

Тайна забытой усадьбы

Юлия Евдокимова

18+

Юлия Евдокимова

Тайна забытой усадьбы

<https://litres.ru/74643207>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите на пару вечеров забыть о суете и оказаться там, где время течет медленнее? Тогда наливайте чай и устраивайтесь поудобнее.

Нас ждет путешествие в монастырь на острове, куда ведёт лишь шаткий мостик; в забытую усадьбу, где липовые аллеи превратились в тёмные тоннели.

Там случилось убийство в туманной ночи, а с ним и весьма странные события, в которых предстоит разобраться князю Гагарину, иеромонаху Филарету и купеческой дочке Анастасии.

Всё, как положено: портрет с замазанным лицом, слухи о призраке, появление прекрасной незнакомки...

Погружение в атмосферу гарантировано!

Мы будем пить чай с Аграфеной, которая ворчит, что барышня опять не обедала, услышим, как шелестит платье в старинных коридорах и кричат за окном извозчики; как стучит дождь по крыше и скрипят половицы...

И убийцу поймаем непременно — как без этого!

Добро пожаловать в Серафимовск XIX века, где всё уже случилось и всё ещё впереди.

Содержание

Глава 1.	10
Глава 2.	16
Глава 3.	26
Глава 4.	34
Глава 5.	38
Глава 6.	44
Глава 7.	50
Глава 8.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юлия Евдокимова

Тайна забытой усадьбы

Над широкою рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.
Знаю, в этом городке —
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.
Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.
На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие, —
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.
В крепко-слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза все такие темные.
Губернаторский дворец
Пышет светом в часы вечерние,

Предводителей жеребец —
Удивление всей губернии.
А весной идут, таясь,
На кладбище девушки с милыми,
Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!»
И целуются над могилами.
Крест над церковью взнесен,
Символ власти ясной, Отческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.
Николай Гумилев. Городок. 1903г.

Все совпадения персонажей и событий случайны.
Сердце снова защемило. Сторож поднял фонарь, но туск-

лого света не хватало, чтобы защититься от зловещей ночи. Он с опаской огляделся.

Казалось бы, давно должно привыкнуть к ночным обходам, но сегодняшняя ночь была другой.

Туман поднялся над озером, накрыл призрачным саваном островок и монастырь. Шаткий мостик к берегу, который и в хорошую-то погоду еле держался над водой, того и гляди развалится от сырости. Да и не разглядеть его во тьме и тумане.

Сторож протянул руку, нащупал холодный, шершавый камень монастырской стены. Хотя бы понятно, где он, теперь главное — не оступиться и не скатиться в озеро. Ужасное время выбрал он для обхода, а куда деваться — служба такая. Как барин помер, ничего в его жизни не осталось. А ведь когда-то они с барином... Вот жизнь-то была! Да вся и сплыла, чего об том теперь сокрушаться. Грехов много за ним, вот и расплачивается. Неужели не зачтется служба? Такая ночь за десять идти должна. И ведь не откроют ворота монастыря, не пустят переночевать, обитель-то женская. Ох, по грехам нашим...

Влажный, промозглый туман забирался под одежду, щипал глаза, не позволял идти дальше. И то правда: что тут обходить, кто в такую ночь сунется на остров?

Послышался плеск воды. Старик еще теснее прижался к стене, осенил себя крестным знаменiem. Неужто водяника-мутница? Сказывали — сам слышал, — как одна из них

влюбилась в местного плотника Ивана: приплывет к берегу и смотрит на его дом. И так, почитай, каждый вечер. А уж в такую ночь самое время для всякой нечисти... Та водяниха никому зла не делала, томила только да вздыхала, а другие, говорят, опасны: защекочут до смерти да на дно утащат.

Стена неожиданно закончилась, и сторож чуть не упал. Что за чертовщина? Чуть и вправду вслух не выругался, вовремя вспомнил, что в святом месте служит. А еще вспомнил, что тут и должна стена кончаться, дальше — кладбище монастырское. Старик не боялся ни лихих людей, ни покойников, но истории, которые рассказывают в селе, тревожили... То, что нельзя объяснить, страшнее осязаемой опасности. Обычно он лишь посмеивался, не верил, но в эту ночь туман запутал, заморочил. А вдруг и вправду...

Сторож снова осенил себя крестом да пробормотал молитву. Ступал дальше осторожно: вправо шагнешь — озеро, влево — кладбище, не утонешь, так о камень могильный расшибешься.

Вот и снова стена. Внезапно в тумане проступили очертания монастырской колокольни. Неужели рассеивается? Но нет, почудилось.

Каркнула ворона.

— У, проклятушие, — пробормотал сторож вслух, то ли успокоить себя звуком своего голоса, то ли отпугнуть беспокойных духов.

Легкое покачивание фонаря вселяло некоторую уверен-

ность, когда он медленно шел вдоль кладбища. Снова всплеск. Рыбина, что ль, большая в камышах? Кто в такую погоду на веслах пойдет?

Снова закаркала ворона. Обязанности сторожа требовали разобраться, кто нарушает покой обители, но что увидишь в таком тумане?

Старик остановился, прислушиваясь. И тут туман впереди сгустился и выпустил, словно выплюнул, тень — темный силуэт, оказавшийся прямо перед ним.

— Кто здесь?

Сильная рука схватила его за одежду, в свете фонаря сверкнул нож. Фонарь выпал из руки сторожа и покатился в туман, всплеск — и все стихло.

— Отпусти, — прохрипел старик. Дернулся изо всех сил, теперь он был «в своей тарелке»: перед ним враг, и нужно сражаться. Он почти высвободился, но нож прорезал старенькое пальто, и руку пронзила острая боль.

Сразу же боль ударила и в сердце, ноги подкосились, и он медленно сполз по стене. Упал на колени, пытаясь оставаться в сознании.

А потом увидел фигуру в белом впереди в тумане.

— Пришла... по мою душу пришла... не брехали...

Фигура качнулась и расплылась, затем все погрузилось во тьму.

Глава 1.

Пламя шутих взлетало высоко в звездное небо. Гости хлопали в ладоши и кружились в золотистом мерцающем свете. Оркестр почти не делал пауз, одна мелодия сменяла другую. Недостаток мастерства музыканты с лихвой компенсировали страстью, и лихорадочные звуки скрипки сливались с низким басом трубы.

Большая часть серафимовской знати танцевала, а кто не танцевал, те были слишком стары и немощны, чтобы присоединиться к веселью.

Анастасии Васильевне Мичуриной, дочери княжны и купца, а ныне купчихе второй гильдии, ужасно хотелось тишины и покоя. Она пожалела, что приняла приглашение на губернаторский бал. Настя чувствовала себя не в своей тарелке и уже выискивала способы сбежать. Тем более, что наступил тот момент, когда никому ни до кого нет дела.

Но что скажет губернатор, если купчиха Мичурина сбежит с его бала? А впрочем, разве помнит ее важная персона, нет, он наверняка не заметит ее отсутствия.

- Настя, перестань кукситься! - кузина Наташенька сияла от восторга. Немудрено впасть в экстаз, оказавшись на одном из самых шикарных балов Серафимовска.

- Я не...куксюсь. Где ты нашла это слово?

- Я три раза танцевала с Крушинским, с молодым, конеч-

но, один раз с князем Гагариным и один раз с князем Ухтомским! А если ты не куксишься, то почему сидишь одна в этом углу?

Настя кивнула в сторону окна: – Наблюдаю за фейерверками.

- Да что за ними наблюдать, у папеньки фейерверки не хуже! На балу нужно танцевать и веселиться!

Настя несколько дней спорила с дядей, нынешним князем Засекиным и его супругой из-за участия в губернаторском бале. Молодая женщина старательно отнекивалась, но ее убедили, что Засекины должны явиться всем семейством, продемонстрировать крепкие семейные связи. Теперь же кузина Наташенька крутится вокруг старшей подруги, надеясь убедиться, что Насте тоже хорошо. Это ужасно раздражало, но одновременно казалось милым.

- Пойдем!

Наташа схватила Настю за локоть под пышным рукавом темно-синего платья, и потянула к танцполу, где оркестр заиграл первые аккорды вальса. Что он право, не вдвоем же они будут кружиться! Настя с трудом высвободилась, развернулась – и впервые за весь вечер оказалась лицом к лицу с князем Гагариным. Он предложил руку и втянул девушку в вихрь пар, кружащих по блестящему полу.

Сердце забилось, но Настя сосредоточилась на музыке, стараясь не думать о близости князя. Некоторое время они молча кружились по залу.

- О чем вы думаете? Судя по выражению вашего лица, вы решаете, на какую ногу мне лучше наступить. Я прав? Почему вы хмуритесь?

Она тут же сбилась, но и музыка закончилась, чтобы смениться более веселой.

Настя вежливо улыбнулась, надеясь, что Гагарин откланяется, но он не выпустил ее руки.

Вместе они подошли к столу, где в серебряных ведрах охлаждалось шампанское, подтаивали сорбеты. Все устроили так, чтобы гости обходились без слуг, достаточно подойти к столу и протянуть руку.

Настя впервые увиделась с князем после их прощания в усадьбе Засекиных, когда Гагарин сделал - или чуть не сделал - ей предложение. Слава Богу, ситуация разрешилась, причем, она была абсолютно в этом уверена, к большому облегчению самого князя. Но неловкость осталась и, принимая из его руки бокал, она сто раз пожалела, что сегодня не успела сбежать.

- Стоп.

Настя подняла взгляд:

- Простите, что?

- Перестаньте думать о том, о чем вы думаете, это не делает вас счастливой. И я постараюсь, чтобы вы не предавались мрачным мыслям. Не сегодня вечером. – В его глазах заиграл огонек.- Если понадобится, я принесу вам еще один, два, три бокала.

- Вы не посмеете.

Он прищурился:- Посмотрим.

За спиной раздался тихий смех, Настя повернулась и залилась румянцем. Перед ней стояла невысокая элегантная дама в платье модного стального оттенка, так идущего к ее серым глазам.

- Матушка, позволь представить тебе Анастасию Васильевну Мичурину, племянницу князя Засекина. Анастасия Васильевна – княгиня Елизавета Георгиевна Гагарина.

Настя предпочла бы и дальше краснеть, как девица на выданье, чем чувствовать, что сейчас упадет в обморок.

- Здесь очень душно,- пролепетала она и опрокинула в себя все содержимое бокала с шампанским.

В следующий момент за спиной Гагарина выросла фигура губернаторского лакея, он что-то сказал князю и тот развел руками:

- Простите, дамы, его сиятельство срочно требует. Вынужден откланяться.

Склонил голову и тут же нырнул в толпу танцующих, виртуозно прокладывая себе путь.

Княгиня разглядывала Настю, Настя лихорадочно искала подходящие слова. В более неловкую ситуацию она еще не попадала и совершенно не представляла, что делать.

И вдруг раздался крик. Музыка смолкла. Все повернулись к выходу, где стояла фигура в запыленной одежде. Взгляд бледного молодого человека метался по залу.

- Князь Черкесский...мне срочно нужен князь Черкесский!

В зале слышались недоуменные шепоты. Еще неясно, что происходит, но несомненно, что ничего хорошего.

- Мне нужно поговорить с князем Черкесским.- Наставал молодой человек, сопротивляясь лакеям, отталкивающим его к дверям. Когда он осознал что множество празднично одетых господ уставились на него, краска вернулась на лицо и в считанные секунды непрошенный визитер покраснел как рак.

- Кто его пустил? Что происходит?- Недоуменно переговаривались в толпе.

Из-за колон появился князь Черкесский, нахмурил брови:

- Василий? Что все это значит? Что ты себе позволяешь?

- Демьян, ваше сиятельство... Он мертв.

Кто-то позади в ужасе ахнул, снова раздался взволнованный ропот.

Князь пуще нахмурился:

- Мертв? Что ты... Как? И почему ты ворвался сюда, как...

- Его убили. Возле монастыря. Но это еще не все... кладбище... могилы... Одну из них раскопали.

Какая-то дама вскрикнула, в задних рядах люди, не слышавшие, что говорит молодой человек, требовали объяснить происходящее.

- Успокойтесь, господа, мы во всем разберемся. Малень-

кая неприятность в имении, с которой я быстро разберусь.

Маленькие неприятности никого не интересовали. Толпа рассеялась, возле молодого человека остались лишь князь и Настя. Наташенька махала ей рукой и делала большие глаза, но Мичурина не двигалась с места.

- Самая новая могила в монастыре - моего дяди. Но он умер два года назад, такие могилы не раскапывают. Что им понадобилось?

- Боюсь, ваш батюшка...

- Что мой батюшка? – вновь нахмурился князь.

- Пропал.

- Как пропал?

Молодой человек совсем смутился и залепетал. – Из... могилы... останки... их... нет!

Глава 2.

Губернатор ждал в небольшой приемной, отделанной блестящим дубом. В помещении стояли только массивный стол и несколько стульев, на стенах висела пара пейзажей, изображающих окрестности Серафимовска.

Камин не горел, хотя полена и растопка были заложены.

- Вынужден прервать ваше веселье, Пал Альсаныч, — хмуро сказал губернатор.

Был он человеком молодым, сорока ещё не исполнилось, но весьма опытным. Родился в семье графа и княжны, сделал блистательную военную карьеру на Кавказе, затем поступил на дипломатическую службу и провёл некоторое время в Англии. Губернаторствовал он в Серафимовске, а точнее генерал-губернаторствовал, ибо имел генеральский чин, пятый год.

С Гагариным они почти приятельствовали — матери их были дальними родственницами, — но на службе оба вели себя строго, не позволяя вольностей в общении. Тем не менее отношения их позволяли некоторую откровенность, которую губернатор не мог позволить себе с прочими чиновниками.

Гагарин молча ждал, негоже прерывать начальство, даже если пауза затянулась.

Дверь отворилась и в приемной появился князь Черкес-

ский в сопровождении растрепанного и перепуганного молодого человека.

- Ну! – Сказал губернатор. – Рассказывайте. Лучше узнать все из первых уст.

Молодой человек переминался с ноги на ногу, его плечи напряглись. Он совсем стушевался в присутствии столь важных особ. Судя по взгляду, близок к панике.

- Мой камердинер в Ворском. Василий. – Пояснил князь и подтолкнул парня вперед:- Давай, говори все, как на духу. Не тани.

- Успокойся, — сказал Гагарин. – мы просто хотим узнать, что случилось. Никто не знает этого лучше, чем ты.

- Не знаю, барин. Откуда мне знать. Демьяна нашли...

- Кто такой Демьян? Что ты мямлишь? Князь, ваш камердинер умеет складно выражать свои мысли?

От губернаторского окрика Василий словно очнулся.

- Так это, ваше-ство. Демьян, значит, по ночам за монастырем смотрит.

- Что значит смотрит?

- Сторожит он. По ночам. Третьего дня... ну, то есть в ночь, туман был сильный над озером.

- Островозерский монастырь, - поспешно пояснил Черкесский.- Моей семьи земли. И усыпальница там же, фамильная, на монастырском кладбище.

Гагарин вспомнил красивую картину, открывавшуюся путникам с холма по дороге из Серафимовска в Богородицк:

огромное озеро и белокаменный монастырь на островке в самой середине. Вид впечатлял!

- В общем, когда туман разошелся, монахини нашли Демьяна. Зарезали его, упокой, Господь, его душу, - парень перекрестился.- Ну, то есть тогда-то он был еще жив. Монахини говорили, с трудом указал пальцем на кладбище и все шептал про призрак в белом платье. Ну... и почти сразу помер.

- Еще что-то сказал?- Поинтересовался Гагарин.

- Ничего больше.- Парень приподнял край рубахи и вытер нос. Губернатор поморщился.- Монахини за мной и послали. Я в Ворском живу, рядом с усадьбой Его сиятельства. Присматриваю, значит.

- А почему за тобой?

Гагарин слышал музыку, доносившуюся из бального зала и скучал. Раз его вызвали, ничем хорошим это не закончится, вряд ли удастся вернуться и еще раз потанцевать с Анастасией Мичуриной, которую он так не кстати оставил в компании своей матушки. Этот Василий доберется до сути или будет лепетать до утра?

- Потому что усыпальница... в общем, когда они пришли на кладбище, могилу батюшки Его сиятельства... оск... окс... оксквернили. Попортили, то есть.

- Воскресители?- Так в народе звали расхитителей могил, раскапывавших свежие захоронения в целях наживы, ведь многих усопших хоронили с часами. драгоценностями, в до-

рогой одежде.

- Какие воскресители, мой отец похоронен десять лет назад! – Сказал князь Черкесский.

- Останки его...Его светлости... то есть не этой светлости, а той...

Губернатор схватился за голову. – Князь, похоже, придется рассказывать мне... А этого... гонца покормите на кухне, вон бледный какой, сейчас в обморок грохнется.

Парень, непрерывно кланяясь, попятился к дверям и мигом исчез.

- В общем, господа, могилу отца князя Черкесского разрыли и останки исчезли.

- Но... как вы... откуда... Василий только явился!- Недоумевал Черкесский.- Я сам только что узнал!

- Оттуда. Из вашего Ворского. Пока ваш камердинер добирался - пешком, что ли шел? - прислали мне гонца, а заодно и депешу от владыки.

«Ну, да, логично, хоть Черкесский и утверждает, что это его земли, кладбище, а тем более монастырь, в ведении церкви. Но причем тут мы?»- Подумал Павел, но спросить не успел. Губернатор тут же ответил на невысказанный вопрос:

- Владыка попросил, чтобы князь Гагарин поучаствовал в этом деле как чиновник по особым поручениям.

- Но это дело церкви и полиции.

- Было бы. Не пропади останки и не появись слух о призраке. А я во вверенной мне губернии такого безобразия не

потерплю! Вы, Пал Альсаныч, дока в таки скользких ситуациях. Так что придется вам отправляться в Ворское.

- Сам я давно там не бывал, но усадьба в порядке, за ней присматривают.- Сказал Черкесский, явно не собираясь ехать в родные, так сказать, пенаты.- Дам письмо, вас встретят, устроитесь с комфортом.

- Вот и ладно. Завтра утром отправляйтесь Павел Александрович,- Губернатор кивнул, давая понять, что разговор окончен.

Черкесский поклонился и вышел за дверь, а Гагарину пришлось задержаться.

-Пал Альсаныч... Дело не простое предстоит. Особой, так скажем, значимости. Место там такое... Говорят, в Смутное время монахи прятали в монастыре Михаила Федоровича Романова. И хранится там частица Ризы Господней, переданной будущему нашему царю и основателю династии персидским шахом. Так что,- губернатор поднял палец вверх, - получается, что дело касается государя нашего императора. А вы сами знаете... не нужно объяснять. Доложили мне тут, что усадьбу князя Черкесского ходят нехорошие слухи. Вам их и развеивать, негоже, чтобы вокруг благотворителя монастыря неладное говорили.

- Получается, не церковь при нас в лице духовного депутата, а я в лице светского депутата при церкви. Только уставами такое не предусмотрено.

-Но-но, дерзостей не говори. Владыка попросил, да и наш

интерес, как понимаешь, имеется и значительный. Так что - в путь. Как всегда, держи меня в курсе!

* * *

Гагарин остановился на миг у дверей бального зала. Ехать предстояло с утра, дорога не слишком длинная, всего 58 верст до Вorskого, можно и задержаться ненадолго. Лакей уже собирался распахнуть двери, но князь передумал, махнул рукой и направился домой. По крайней мере, можно собраться в отсутствие матушки, избежать сетований на частые разъезды, а утром просто оставить княгине записку.

Он не стал брать экипаж, хотелось пройтись до особняка пешком, проветриться после жары на балу.

Слева внизу под горой темнела Волга, справа высились особняки серафимовской знати. Благоустроенный бульвар на высоком правом берегу Волги, созданный по указу императора Николая I, протянулся от Георгиевской башни Серафимовского кремля до старой Сенной площади и начала Казанского съезда. Бульвар превратился в парадное лицо города, здесь строили особняки самые богатые и известные люди по проектам лучших архитекторов. С набережной открывалась живописная панорама на Заволжье с лугами, озёрами, перелесками, деревнями и сёлами, вниз к Волге спускался Александровский сад.

Фонари горели тускло. Конечно, их свет был ярче масляных, но все равно с трудом пробивался через закопчённое стекло. Зажигание и тушение фонарей, заправка ламп, про-

тирка стёкол и ремонт выполняли фонарщики — работники, которых нанимали частные подрядчики. Они ходили по определённому маршруту с корзиной или тележкой для переноски или перевозки ламп, но давненько князю на глаза не попадались.

Тишина, на улице не души.

Гагарин почти дошел до дома, когда за спиной послышался цокот копыт. Он обернулся в тот момент, когда экипаж остановился.

- Тпру, голубка!- Извозчик натянул вожжи.

Из экипажа легко выскочила высокая темная фигура, монеты перекидывали в руку извозчика. Тот рассыпался в благодарностях, явно не поскупился пассажир. А фигура направилась к Гагарину.

- Ты? «Можно было догадаться, кого пришлют со стороны церкви. Но ведь он в Москве!»

- Шестнадцать часов,- вместо приветствия ответил иеромонах Филарет.- Железная дорога большое благо. Ну, здравствуй дорогой Павел Александрович.

- Откуда ты узнал, что я здесь? Хотя о чем я спрашиваю! — Гагарин обнял друга.

- Приехал в губернаторский дом, узнал, что князь Гагарин только что отбыл, экипажа не взял.

- Но пойдем, пойдем скорее в дом! Матушка еще не вернулась с бала, посидим, поговорим.

- Не буду утомлять. Я, собственно, хотел поговорить с то-

бой до отъезда...

- Что случилось?

- То, что ты уже знаешь. Убийство сторожа, похищение тела князя Черкесского из могилы, призрак. А чего не знаешь – монастырь женский. И даже мне там останавливаться негоже. А надо быть в курсе его жизни и... секретов, непременно имеются в таком месте секреты.

- И что же нам делать?

- Есть у меня на примете одна кандидатура...

- Нет!

- Ты читаешь мои мысли, дорогой Павел Александрович? Даже не пришлось называть имени. Мы не будем отправлять Анастасию Васильевну в монастырь на постриг, не для нее это. А вот уставшая от дороги княжна вполне может провести на богомолье несколько дней.

- Но это опасно!

- Убили сторожа, а не монахиню. Я не посмел бы подвергать опасности жизнь и здоровье Анастасии Васильевны. Давай спросим у госпожи Мичуриной, думаю, она с удовольствием проведет несколько дней в красивом и духовном месте.

- Я... не знаю, что сказать. Я не готов к такому... предложению. Анастасия Васильевна...

- Всегда нам помогала. И в этом случае ее помощь будет просто бесценна.

Судьба не раз сводила друзей вместе.

Священники-депутаты с духовной стороны привлекались к расследованию дел, касающихся духовных лиц. Их назначали церковные власти из числа опытных священников с хорошей репутацией в каждом благочинном округе. Если дело не терпело отлагательств или необходимо было производить исследование по горячим следам, гражданское начальство могло приступить к следствию немедленно, но в присутствии депутата с духовной стороны, а при крайней необходимости — и без него. При этом дальнейшее производство формального следствия по преступлениям и проступкам духовных лиц принадлежало исключительно полиции, однако в присутствии духовного депутата.

При вступлении в должность депутаты принимали государственную присягу, руководствовались ведомственной инструкцией и процессуально-правовыми нормами. Они информировали духовные власти о ходе курируемого дела и обладали правом голоса при вынесении приговора. Также они выступали в качестве увещателей — «увещевали с прещением Страшного суда Божия», чтобы подследственный говорил правду. Для верующего, совестливого человека, знающего за собой грех преступления, увещевание становилось тяжким испытанием, хотя это не всегда срабатывало, если речь шла о закоренелых преступниках.

Иеромонаху Филарету доставались не обычные дела. Он появлялся там, где требовалась деликатность и поговаривали о чертовщине. Эти слухи они с Гагариным успешно рас-

сеивали, ведь каждый здравомыслящий человек знает, что сверхъестественного не бывает там, где случилось убийство. Причина всегда одна и та же – власть, страсть и деньги...

Глава 3.

Ворское было типичным поселением, коих на Руси великое множество.

Не обладай они какой-то особенной достопримечательностью или исключительно красивыми видами, одно от другого не отличишь. А Ворское даже и не городок вовсе, официально - село.

Смотреть здесь заезжему гостю нечего. Каменная церковь с круглым куполом и колокольней; вторая церковь - поменьше, у самого берега озера; несколько деревянных купеческих домов в два этажа, пара каменных. В остальном - нескончаемые заборы, бревенчатые домики, дырявые тротуары, заваленные кое-где мусором; почти развалившаяся больница, поросшие травой улицы и каменное здание присутственных мест. Вот и все, чем может похвалиться Ворское.

Но остановится иной экипаж на высоком холме на тракте на въезде в село и дух захватывает: внизу на крохотном островке прямо посередине озера висится колокольня над кронами высоких деревьев, золотятся купола храмов. Островозерский монастырь открывается перед путниками во всей красе.

Не жалели средств князья Черкесские, двести лет являлись строителями и благоуукрашителями монастыря, и каменные храмы, и келейный корпус выстроили за свой счет. А в

XVII веке тогдашний князь подарил монастырю икону Богоматери, в Греции писаную. Не удивительно, что съезжались в монастырь богомольцы со всей губернии.

С горы хорошо видно, как велико озеро. С одной стороны впадает в него речка Кишма, с другой – Суринь, а дальше лес густой и уже не разглядишь, как сужается озеро, а потом распадается на несколько небольших, узкими протоками связанных.

Вода везде чистейшая, а рыбы! Густера, лещ, сазан, щука, линь, язь, пескарь, какой только рыбы здесь не водится. И самая любимая, маленькая, узкая уклейка, лучше которой нет на закуску. Засаливали ее впрок в больших дубовых бочках, а затем вялили на солнце и ветру и подавали во всех трактирах в округе.

- Все ж думаешь остановиться в селе? - Осведомился иеромонах Филарет, наблюдая, как меняется лицо Гагарина от восхищения при виде монастыря до некоторого разочарования при виде панорамы села.

- Богомольцев сюда много приезжает, должны же приличный постоялый двор содержать! Жить у Черкесского - обязывает, не хотелось бы.

Первый же встречный показал господам направо: за церковью еще раз повернуть и будет дом с коньком-кокошником, единственный постоялый двор в селе.

Нашли быстро, хозяйка, сразу попросившая звать ее Семеновной, пообещала постояльцу случайно свободную «луч-

шую светелку».

- А что в соседнем номере постоялец храповицкого дает, так он завтрава отбудет, никто не жалуется.

Филарет хмыкнул, приказал кучеру не спешить. Как всегда не ошибся. Гагарин воротился через три минуты, винтовато кивнул:

- Ладно, поехали в усадьбу.

Не удержался иеромонах, поинтересовался, чем светелка не угодила.

- Ну, удобств особых я и не ожидал, после постоянного двора в Богородске ничему не удивляюсь. Но такого.... Не успел войти, как оглушил меня богатырский храп. Сосед отдыхать изволил, а между нашими комнатами дверь покосившаяся еле держится, боюсь, за пару дней храпом ее совсем снесет. Я как представил, что меня ночью ждет, раз он после обеда такой концерт дает, так и бежал оттуда!

Усадьба князей Черкесских, где уже давно никто не жил, вид имела соответствующий.

Слишком тиха, отстранена, даже со стороны понятно, что нет здесь жизни, не бегают слуги, не кипит самовар, не слышны голоса.

А место исключительное - среди леса, на крутом берегу озера. С одной стороны среди деревьев виднеется монастырь на озере, с другой – обширный луг.

Усадьба сама по себе внушительна, настоящий дворец, спроектированный лет тридцать назад итальянским архитек-

тором. У Гагарина возникло ощущение, что белокаменный монастырь и белокаменный дворец ведут между собой молчаливую беседу, словно два старика, оставшиеся на белом свете одни, как перст.

Сад огромный, тянется версты на полторы, но если за усадьбой все же смотрят, то сад давно забросили. Некогда величественные прямые липовые аллеи превратились в темные тоннели, словно подземные ходы, в дальних уголках нужно пробираться, словно в лесной чаще.

Странно смотрелись в заброшенном саду мраморные постаменты, на которых некогда стояли скульптуры, привезенные из Италии. Куда они делись, никто уже не помнил, остались лишь латинские надписи на постаментах.

На одном Гагарин с трудом прочитал: *Venus et Adonis*.

Каменный павильон зарос, ветер гуляет в его окнах, замирает, рассматривая фрески с изображением богинь и нимф и снова принимается гонять прошлогодние листья по некогда прекрасному полу.

- Господа, господа,- вырвал гостей из изумленного созерцания голос управляющего, мужчины средних лет. - Ваши комнаты готовы, прошу следовать за мной.

Приезд неожиданных гостей и письмо князя Черкесского удивило управляющего, но он быстро сориентировался и, предложив гостям совершить краткую прогулку по саду, тотчас распорядился приготовить комнаты.

Оказалось, что пустота усадьбы мнимая, есть здесь и слу-

жанки, и лакеи. Опять же управляющий, да и камердинер Василий.

- Вон там был другой такой же павильон, - показал направо управляющий, увидев с каким интересом рассматривают сад гости.

- Разрушился?

- Сломали.

- Зачем же такую красоту ломать?

- Говорят, это еще до меня было, нашел князь Данила Борисыч там какую-то надпись. И... всякое, в общем, болтают.

- Какое же всякое?- Поинтересовался Гагарин.

- Да говорили, что в том павильоне одна комната была замурована, когда князь приказал вскрыть ее и увидел надпись, немедля приказал павильон сломать. Сам топором рубил, рассказывают. А раньше тут и музыканты были, и балы. А вот и Данила Борисыч, старый князь, - показал управляющий на один из портретов в галерее.

Мужчина на портрете улыбался неприятной, коварной улыбкой. Весь его вид, тучный, надменный, говорил, что князь привык получать все, что хочет и ни в чем не знал отказа. Рядом на соседнем портрете – красивая печальная дама в желтом платье.

- Супруга князя, Марфа Владимировна. Тоже уже почившая.

«Не весело было здесь красавице княгине, несмотря на балы. Не удивительно, что уехала с детьми в Серафимовск. Но

художник каков! Сумел показать характер князей. Но что-то притих Филарет», - заметил Гагарин.

Обернулся к другу и увидел застывшее лицо иеромонаха. Смотрит Филарет на портрет на другой стене, на котором изображена дама в белом с тонкой талией, в кружевных перчатках. Алая роза в изящных пальцах. Но все лицо густо замазано черной краской.

- Это что значит? - Тихим голосом поинтересовался иеромонах.

- Господь его знает! Может, не похожа была.

- Что ж портрет не убрали?

Управляющий пожал плечами: - Не было распоряжения.

- А в округе что об этом говорят?

- Говорить-то много чего говорят. Якобы это первая супруга младшего брата нынешнего князя, Сергея Данилыча. В замужестве недолго находилась, взяли ее откуда-то издалека. А молодой князь в армии служил, она все по нему тосковала, так и уехала к мужу, да по дороге скончалась. Но пойдемте, господа, прошу! За портретной галереей гостиная, а за ней и ваши комнаты.

- Любопытно, - Филарет не двигался с места, рассматривая даму без лица.

- Пойдем, - Гагарину стало неудобно. Вот и выбирай, где остановиться, в одном месте храп и никаких удобств, в другом дамы без лиц. Так и чудится, что смотрит на тебя дама, да ты этого не видишь, отчего становится жутковато.

- Скажи, любезный, а не рассказывают люди, что она в виде призрака является?- Не унимался иеромонах.

Управляющий смутился:

- Всякое рассказывают, да зачем слушать-то.- И добавил философски,- Разве есть в таких рассказах правда? Говорят, взгляд у нее дьявольский, сглазить может, вот и замазали

- Тут у вас сторожа монастыря давеча зарезали. Так даже до Серафимовска дошли слухи, что померещился ему перед смертью призрак в белом. Неужто не слышали? И слуги не шептались?

Управляющий помрачнел:

- Может и говорят, но я такие глупости не слушаю. Прошу меня покорнейше простить, барин. Пойдемте, покажу вам комнаты, скоро обед накроют.

Глава 4.

- Безусловно, раз могилу разрыли туманной ночью, хотели сделать это тайно. Анастасия Мичурина задумчиво крутила в руках чашку с остывшим чаем. К пухлым кренделям, испеченным кудесницей Аграфеной, она подала масло - свежайшее, недавно взбитое на кухне маслобойкой, так похожей на шарманку. Но и крендели и масло оставались нетронутыми.

Иеромонах Филарет кивнул.

- Разумеется. Поэтому они и зарезали, - простите, Анастасия Васильевна, что с подробностями,- сторожа, который их застал. Это единственное логичное объяснение, какое у нас есть.

Настю захватило странное происшествие. Убийство монастырского сторожа, похищение костей старого князя – все это звучало ужасающе для любой нормальной барышни, но Мичурина, несмотря на сложные переговоры и сделки, скупала. Будем честны, дело ее развивается исключительно благодаря управляющему, доставшемуся от покойного брата, и совместному партнерству с самым влиятельным серафимовским купцом Александром Николаевичем Блиновым. Сама она лишь подписи ставила, разумеется, предварительно изучив все документы.

Но молодой купчихе чуть за двадцать, так что захватывающие приключения в компании князя Гагарина и иеромона-

ха Филарета были ей гораздо интереснее конторских документов. А тут такая тайна сама в руки идет! Вот и застыла она вчера на бале, вострепенулась, но князя Черкесского тут же пригласили к губернатору и никаких подробностей происшествия Мичурина не узнала.

Каково же было Настино изумление, когда следующим утром явился с визитом иеромонах Филарет, который уже года два как отбыл в столицу из Серафимовска. Впрочем, это не мешало ему появляться, когда случалась необходимость.

Настя вытянула шею, один ли пришел, нет ли за широкими плечами монаха вечно взлохмаченного князя – но нет, один. И теперь она выдыхала от облегчения и одновременно маялась от отсутствия Гагарина. Но чего же хочет от нее Филарет? Сомнительно, что ему захотелось услышать размышления молодой купчихи о странном происшествии.

Филарет же между тем, продолжал, не давая и намека на цель визита.

- Но возникает вопрос: зачем кто-то раскопал могилу? Что они искали? Большинство захоронений на монастырском кладбище – это старые монахини и склеп князей Черкесских, но предыдущий князь похоронен лет десять назад. – А если это снова «воскресители», подумали, что в княжеской могиле наверняка есть ценности?

- Возможно, но я не слышал о случаях убийств, обычно воскресители бегут, застань их кто-то, так сказать, при исполнении. Но убивать, да еще и уносить с собой скелет...

- Вас что-то беспокоит, отец Филарет. Человек вашего положения не станет приезжать из Москвы из-за осквернения могилы, даже если могила князя расположена на церковной земле.

- Вы правы, Анастасия Васильевна. Меня беспокоят последние слова умирающего. Он говорил монахиням что-то о призраке в белом. А это уже моя, как говорится, епархия.

- Ешьте, крендели остывают,- вежливо сказала Настя но сама не притронулась, ждала. Не просто так приехал к ней иеромонах!

А тот улыбнулся, словно услышав ее невысказанный вопрос.

- Я ведь к вам с просьбой, Анастасия Васильевна. Монастырь женский. Было бы неплохо, если бы некая дама, путешествующая по своим нуждам, заехала ненадолго для духовного окормления и погостила в монастыре. Письмо от владыки дама, несомненно, предъявит и в монастыре ей окажут всяческое гостеприимство.

Сердце подпрыгнуло и упало, потом вернулось на место и забилось так сильно, что стало нечем дышать. Неужели...

- Вы предлагаете...

- Я не знаю лучшей кандидатуры. Это абсолютно безопасно, да и мы будем неподалеку.

- Мы?- Сердце снова подпрыгнуло.

- Я и Павел Александрович.

Нужно было потянуть время, выдержать паузу, но Настя

не смогла. Единственное, на что у нее хватило сил, это не закричать «да!», а степенно кивнуть, как и положено купчихе второй гильдии.- Я согласна.

- Благодарю. Вы окажете нам неоценимую помощь. Я сейчас все вам подробно объясню.

Глава 5.

- Кучер! Стой!

Настя чуть не упала, когда карета резко завернула и кучер остановил лошадей. Большую часть дороги они уже проехали, осталось не более двадцати верст. Из окна экипажа Настя увидела молодую девушку, одетую очень просто в «парочку» - приталенную кофту и расклешенную юбку неяркого серого цвета. На волосах, собранных в пучок, сбившийся платок. Девушка никак не походила на крестьянку, шла устало, почти не глядя по сторонам.

- Куда путь держишь?

- В Островозерский монастырь, барыня.

- Так садись, подвезу.

Глаза девушки вспыхнули. – Только у меня совсем денег нет, барыня.

- Садись, говорю. Не нужны мне твои деньги.

Кучер хмыкнул неодобрительно, ишь, сердобольная барыня, разве можно неизвестно кого подсаживать. Но кто его спрашивает!

Девушка назвалась Маришей. Повеселела, развязала платок. Рассказала свою невеселую историю. Отец недавно помер, был приказчиком в лавке. У матери младших детей семеро по лавкам, а парни на Маришу не заглядываются. Вот и удумала она уйти в монастырь послушницей, а иначе жить-

то на что?

- Получается, Боженька все за меня управил. Буду христовой невестой, путь мой значит такой.

Вдвоем дорога пошла веселее.

Девушки столкнулись плечами, а Настя ощутимо приложила голову к жесткой стенке экипажа, когда он вновь резко повернулся и остановился.

- Вон он, ваш монастырь, - крикнул с козел кучер.- Прибыли, барыня.

Настя выглянула и снова, как пару месяцев назад, дух захватило. Тогда она ехала в поместье дяди, князя Засекина, и так же притормозил экипаж и открылся необыкновенный вид.

- Дальше, барыня, только ногами. Я вниз не съеду, круто тут больно. А дальше вода, экипаж по мостику не пройдет.

Мариша взяла свой узелок с нехитрым скарбом, Настя, входя в роль, надменно приказала кучеру взять ее дорожную сумку и нести следом и резво пошла вниз.

Мостик действительно выглядел весьма хило, на счастье у берега лежало несколько лодок и мужик в теплом жилете, поинтересовался, не на богомолье ли сударыни, а то за пару монет он с готовностью переправит их на остров.

И вот лодка заскользила по темной, застывшей воде озера и вскоре пристала у мостков.

В лодку кучер не полез. – Мое дело,- сказал,- извозом заниматься. А в воду- увольте барыня. В воде рыбы плавать

должны, а не люди.

Настя кивнула, и он с облечением отправился на постоялый двор, где и должен был ждать барыню, когда та намолятся и духовно обогатится. А заодно наверняка расскажет там про княжну, которую на богомолье потянуло по дороге к поместью дядюшки. Никто и не обратит на нее внимания, дело обычное.

Среди высоких деревьев два белокаменных храма и колокольня смотрелись сказочными теремами. В тени под раскидистыми кронами старых дубов и кленов было совсем не жарко, хотя солнце палило не по-осеннему. А ведь и вправду идеальное место для уставшей от светской суеты княжны!

- Какая красота! – Прошептала Мариша, задрав голову и любуясь колокольней за монастырской стеной.

Настя схватила за железное кольцо и постучала им в бревенчатые ворота.

Хоть и благодетельствовали князя Черкесские монастырю, он явно видел лучшие времена. Стены заметно обветшали, красный кирпич повсюду пробивался через известь, призванную символизировать чистоту и сияние божественной славы.

Стучать пришлось долго. Наконец им открыли, провели к матушке игуменье. Настя с любопытством осматривалась. Внутри монастыря множество цветов, при свете солнца и блеске золотых куполов выглядел он мирным и теплым. В середине двора вырыли небольшой прудик, по краям которого

росли васильки, птички негромко щебетали в ветвях деревьев, словно понимая, что здесь не приветствуются громкие звуки.

- Богомольцев сейчас нет, так что достаточно свободных келий,- сказала игуменья.- Но они маленькие и простые, боюсь, это не то, к чему вы привыкли, Ваше сиятельство.

Настя сначала оглянулась, не сразу сообразила, что сиятельство- это она, княжна Засекина. Заверила матушку что для того и прибыла, чтобы пожить в простоте и духовности.

За Маришей пришли две пожилых монахини. Но сначала игуменья объяснила строго, что послушницей придется пробыть не менее года, много молиться и заниматься физическим трудом. Мариша с готовностью закивала.

- Тебе выдадут простую одежду, платье нужно будет отдать. И жить ты будешь с другой монахиней.

Мариша снова закивала.

- Распорядок у нас строгий: подъём в половине четвёртого, молитвы, литургии, послушания до вечера. Ты начнёшь с рукоделия — молча, с молитвой. Ложимся рано.

По мере того, как игуменья озвучивала распорядок дня, лицо Мариши утратило благость и вытянулось. Настя тоже сжалась внутри, ей казалось, что задание будет интересным и легким, но с таким распорядком она просто не сможет сделать даже шага в сторону. Вечерни, помянники, утрени, литургии... Но игуменья развеяла ее сомнения.

- От вас, Ваше сиятельство, послушаний, разумеется не

требуется. Вы можете проводить время в молитве в своей келье и в храме. С завтрашнего дня служить литургию и вечерю будет не отец Дормидонт из Ворского, а иеромонах Филарет, высокий гость из Москвы. Думаю, вы получите необходимое духовное утешение.

- А могу я... петь вместо рукоделия?- спросила Мариша.

- Нет, - резко ответила игуменья.- Поют на клиросе только дворянки.

- Я умею готовить, - пролепетала Мариша.- Перевела взгляд на Настю и прошептала: - Мне страшно. Я... не думала... я не смогу...

- Я попробую что-то сделать,- прошептала в ответ Настя. Надо обязательно попросить Филарета замолвить словечко за девушку, иначе она совсем падет духом.

Монахиня отвела Настю к ее келье. Пришла очередь Ми-чуриной разочарованно поджать губы. В небольшой узкой комнатке не было ничего, кроме кровати, стула и старинной иконы на стене.

- Надо хотя бы свечу попросить,- подумала девушка.

Открыла дверь и выглянула, но монахиня уже ушла, и коридор был пуст. Послышался шелест, словно подол женского платья волочится по каменному полу. Девушка повернулась в другую сторону длинного коридора и увидела, как белый силуэт заворачивал за угол.

- Подождите! -Негоже кричать в монастыре, и Настя побежала вслед. Но за поворотом был тупик, коридор заканчи-

вался каменной стеной. Куда же делась фигура в белом?

В светлом коридоре среди белого дня ей стало зябко. Неужели это призрак, о котором говорил Филарет?

Глава 6.

Настя разминулась с Гагариным и Филаретом. Пока она отдавала распоряжения в конторе, проверяла и подписывала бумаги, потом собирала необходимые вещи, прошел день и в монастырь она добралась лишь к закату следующего дня.

Иеромонах с князем опередили ее на сутки.

Что ж, Черкесские когда-то не жалели средств, еще недавно монастырь процветал, а княжеская семья сыграла ключевую роль в становлении обители. Но стоило вступить в наследство Якову Даниловичу, нынешнему князю, который приезжал в Ворское лишь пару раз за всю жизнь, как денежный поток иссяк, это было заметно с первого взгляда.

И тем не менее островок с монастырем оставался очаровательным и необычным местом, сразу настраивающим на умиротворенный лад. Но князю с иеромонахом некогда было любоваться местными красотами. Они прибыли сюда по делу, им сразу и занялись.

Небольшая группа обошла монастырь по узкой тропинке по берегу Ворского озера.

Стена понималась зубчатыми участками над их головами, пока не оборвалась, открыв небольшое, ухоженное кладбище, за которым хорошо следили. Среди скромных могил монахинь возвышалось то, что князь Черкесский называл склепом, хотя ничего общего с настоящим склепом это не имело.

Просто обширный участок с гранитными плитами и огромный, доминирующий над кладбищем обелиск с барельефом одного из первых князей.

Вокруг обелиска скульптор создал целую картину: здесь и мраморные фигуры воина в римских доспехах, и женщина, указующая перстом на барельеф (слава Богу, не обнаженная) и голова льва, и парочка гербов, и штук пять склоненных мраморных стягов. Могила полководца, выигравшего исторические сражения, не иначе.

Среди гранитных плит одна, с именем князя Данилы Борисовича, сдвинута в сторону.

Гагарин подошёл ближе. Он не знал, что хотел увидеть в зияющей дыре. Призрака? Проткнутую колом девушку, как пару месяцев назад?

Но предыдущие дела, начинавшиеся с совершенной мистики, окончательно убедили его, что мистики не существует, любому таинственному явлению рано или поздно находится вполне реальное объяснение.

Вот и сейчас в могиле обнаружилась лишь груда ветхой, некогда богатой одежды.

- Странное происшествие, господа,- сказал судебный следователь из Богородицка, прибывший для встречи важных гостей.

Он уже встречался с князем Гагариным и знал, что ради рядового дела чиновника такого уровня от губернатора не пришлют. С одной стороны, это было облегчением, с него

спроса теперь нет, с другой - задевало профессиональную гордость. И нужно было что-то говорить, выражать свое компетентное мнение, которого в подобной ситуации у следователя просто не имелось.

- Они забрали его тело, но не одежду. И золоченый крест на месте, и перстень. Кто так поступает?

- Ну, тут как посмотреть. Грабитель могил, присвоивший даже что-то недорогое, отправится на каторгу. Случаи похищения мёртвых тел с корыстной целью, за исключением проведения суеверных обрядов, в законе не упоминаются. Так что наш похититель может быть спокоен, - ответил Гагарин, - только зачем ему тело князя, похороненного десять лет назад?

Это действительно не имело смысла. Что можно сделать с костями? Допустим, зубы можно продать на протезы, из мелких костей рук и ног сделать костяные безделушки и продать на ярмарке. Но кто выкапывает для этого весь скелет?

И почему именно этот скелет? Почему именно это кладбище? Было множество других, менее заметных и более доступных кладбищ. И множество других могил, которые было легче раскопать даже здесь. Похитителям пришлось откопать тяжелую плиту, это непростой физический труд. А учитывая туманную ночь, можно было травмироваться.

И если он пришел не за драгоценностями, именно на это кладбище и именно к этой могиле, то дело несомненно в личности князя Данилы Борисовича.

- Вы уверены, что они взяли лишь кости? - Спросил Гагарин у камердинера Василия. - Может, в могиле было что-то еще?

Тот рассеянно моргнул. - Я описал Его сиятельству все, что осталось в могиле, он уверяет, что ничего другого там не было.

- Возможно, похититель взял что-то еще. Что-то, о чем все забыли, даже князь. Хотя я все еще не понимаю, зачем ему нужны кости. Чтобы всех запутать?

Василий стоял, уставившись в отверстие в земле. Казалось, он видит что-то, чего не видят остальные.

- Похититель зарезал Демьяна и ушел в спешке, оставив плиту рядом, а могилу открытой. Расхитители могил стараются не оставлять следов, этот же пошел на убийство и бросил раскопанную могилу, - сказал Филарет.

- Ему мог помешать туман.

- Он не помешал раскопать могилу, почему должен помешать вернуть все обратно? Тогда никому и в голову не пришло бы, что останки князя пропали.

- Ему помешал Демьян.

- До утра никто не нашел бы сторожа. Ночь и туман надежно защищали похитителя. Или похитителей, учитывая тяжесть плиты.

- Призрак, - тихо сказал Василий. - Их спугнул призрак.

- Призраков не бывает, - сказал Гагарин, а Филарет иронически хмыкнул и непонятно, что его рассмешило: предпо-

ложение о призраке или уверенность Гагарина в его отсутствии.

- Здесь были случаи расхищения или осквернения могил?- Поинтересовался Гагарин у следователя. Тот тут же переадресовал вопрос уряднику.

Урядник покачал головой. – Не было такого. Им тут нечего делать, село не богатое, ничего ценного не отыщешь. На кладбище одни монахи, а князья похоронены слишком давно. Я проверю записи, но уверен, что ничего такого не происходило.

- Полагаю, будет трудно сохранить это в тайне, — сказал Гагарин.

- Боюсь, что так, - ответил урядник.

- Сам факт мы в тайне не сохраним, - кивнул Филарет. – А вот детали... думаю, не надо напоминать присутствующим, что о деталях распространяться не стоит. Это поможет в дальнейшем расследовании.

С монастырского кладбища они отправились в морг местной больницы, одноэтажное полуразрушенное здание на окраине села.

Одежда Демьяна – потрепанное пальто, грубая шерстяная рубашка под ним, как и ожидалось, были пропитаны кровью. Рана в правой части груди была причиной кровотечения. Других повреждений тело сторожа не имело.

Итак, они имеют дело с убийством, что лучше всего оставить судебному следователю и местной полиции и оскверне-

нием могилы и похищением тела, чем и придется заниматься властям и церкви в лице князя Гагарина и иеромонаха Филарета.

Глава 7.

Настя проспала вечерню и трапезу, проснулась только к литургии, умирая от голода.

Хотя письмо епископа предписывало игуменье создать для княжны Засекиной особые условия, положенные её титулу, никто не отвлечётся от службы и не накроет стол для гостей.

Настя вздохнула и поплелась в храм, борясь с тошнотой от голода.

Увидев знакомое лицо Мариши, она встала рядом, не прошла к местам для важных персон, где было устроено нечто вроде балюстрады со скамьями для сидения.

Мариша казалась ещё более бледной и напуганной, ей, несомненно, требовалась поддержка, да и самой Насте рядом было спокойнее.

— Барыня, мне страшно, — прошептала Мариша.

— Ты просто не привыкла к монастырским правилам, всё постепенно наладится, — прошептала в ответ Настя и тихонько пожала руку девушки.

Но Мариша кивнула куда-то в сторону окна.

— Я не про это, мне всё равно некуда идти. Но я тут навряд ли останусь.

— Вряд ли, — поправила Настя.

— Я про кладбище. Вы не подумайте чего, ну, что я вроде

умом тронулась или всякое такое.

Монахини зашикали, и Настя перекрестилась не к месту, благочестиво опустила глаза. Потом тихонько ткнула Маришу в бок.

— Ну? Что там с кладбищем?

— Клянусь, барыня, думайте, что хотите, но я вчера видела призрака.

— Хм... И как он выглядел?

— Я не уверена. Всё случилось очень быстро. Он был... белый и прозрачный, кажется. И парил. На нём был плащ и капюшон. А потом он просто исчез.

Монахини снова зашикали, и игуменья повернулась и одарила девушек злобным взглядом.

— Игуменья тут пострашнее призрака, — прошептала Настя, и Мариша наконец улыбнулась. — Но тсс, надо вести себя пристойно.

Целуя крест в руках иеромонаха Филарета, Настя показала глазами в сторону: надо, мол, поговорить. Тот на миг прикрыл глаза — понял.

Монахини просили благословения, а Настя смиренно стояла в сторонке, потом подошла, глазки потупила.

— Позвольте, отче, поговорить с вами наедине.

Тот кивнул:

— Давайте прогуляемся.

Под сердитыми взглядами немногочисленных монахинь они вышли из храма.

— Что же вы, Анастасия Васильевна, чуть службу не сорвали? — Казалось, в глазах иеромонаха вспыхивают смешливые искорки, но Настя совсем не была в этом уверена. Действительно ведь вела себя неподобающе, стыд-то какой!

— Маришу нужно было подбодрить, совсем она сникла. — Настя рассказала про знакомство с Маришей, не забыла попросить замолвить словечко перед настоятельницей, чтобы отправили Маришу на кухню. Не приспособлена она к рукоделию, только гнев вызовет. И рассказала про призрака, которого видела Мариша и она сама.

— Распоясался призрак, вам не кажется? — усмехнулся Филарет. — Зачастил. Ну, ладно, один раз явился сторожу перед смертью, и то непонятно, померещилось ему или и вправду кого-то видел, да принял за призрака. А вот то, что вам явился... может, тут монахини так непрошенных гостей пугают? Увидят послушница да княжна эдакое привидение, да сразу засобираются прочь.

— Думаете, неладно что-то в этом монастыре?

— Это как раз ваша задача, Анастасия Васильевна, разглядеть, нет ли тут чего странного.

Филарет рассказал, как они с Гагариным осмотрели кладбище, потом тело убитого.

— Так что тут происходит, отче?

— Пока непонятно. Есть ещё один странный момент — в усадьбе Черкесских висит портрет дамы с лицом, замазанным чёрной краской.

Настя вздрогнула.

— Это ещё что такое? А что говорят?

— Ничего не говорят. Управляющий уверяет, что в народе глупости болтают, а какие — не рассказал.

— А что же портрет не убрали, так и оставили на стене? Странно ведь!

— А тут всё странно. И похищение тела, и призрак, и портрет. Но связаны ли эти странности? В общем, смотрите в оба, Анастасия Васильевна. Вы изнутри, а мы снаружи. Я собираюсь регулярно служить в монастыре утрению или вечерню, и Павла Александровича приглашу. То, что князь и княжна окажутся знакомы и станут прогуливаться в монастырском дворе за приятной беседой, никого удивить не должно. Так мы сможем постоянно обмениваться новостями.

Настя кивнула и заторопилась:

— Пойду я, а то со вчерашнего обеда ничего не ела. Вечером тут подают лишь чай да хлеб, а утреннюю трапезу я проспала. В глазах темнеет от голода.

* * *

Когда Настя вошла в трапезную, то застала там лишь настоятельницу с одной из монахинь, которой игуменья давала наставления. Монахиня выглядела расстроенной и бледной. При виде Насти игуменья замолчала и уставилась на вошедшую.

— Простите, матушка. После наставлений отца Филарета

мне захотелось помолиться, и я не успела на трапезу.

Лицо игуменьи слегка смягчилось.

— Подай еду её сиятельству.

Монахиня появилась вскоре с миской пшённой каши, сваренной на воде, стопкой гороховых блинов и большим ломтем ржаного хлеба.

Настя была так голодна, что еда показалась ей изысками лучше Аграфениной стряпни, моментально всё съела и миску хлебом вымазала. Запила компотом из смородины, сыто откинулась на скамье, забыв, что спинка не предусмотрена, и чуть не рухнула на пол.

Потом выплыла из трапезной, чувствуя, что вот-вот лопнет. Но что там каша да блинчики, довольно быстро ощущение сытости прошло, и Настя отправилась осматривать монастырь, построив свою прогулку так, чтобы оказаться на кладбище.

В свете солнца оно выглядело мирно, как и положено погосту. Два мужика, по-видимому присланных из деревни, уже засыпали раскопанную могилу и собирались установить на место надгробную плиту. Похоже, все были уверены, что останки князя не отыщутся.

Наблюдал за их работой Василий, как личный камердинер нынешнего князя, решивший, по-видимому, что главный тут он, а не управляющий имением. И то верно, при чём тут усадьба.

Рядом с надгробием лежала куча истлевшей одежды, из-

влечённая из могилы.

— А вы не видели в тот день чего-то странного? — спросила Настя. — Незнакомых людей в селе или знакомый экипаж на дороге?

Оба мужчины и Василий покачали головами.

— Кареты были, барышня, но все мимо шли. И парни верхом, но те все наши. А вам пошто это знать, барышня?

— Это знакомая барина, я её на балу видел, — зашипел Василий и подобострастно поклонился.

— А что здесь? Что нашли в могиле?

— Его одежду и обувь, носовой платок, и зачем он нужен покойнику? — хмыкнул один из мужиков. — Часы и какую-то штуку с драгоценными камнями.

— Булавку, — с готовностью уточнил Василий. — Но это всё барин забрал, который из Серафимовска приехал.

— Князь Гагарин?

— Он самый.

Хм... оставить драгоценности и забрать кости... даже если именно скелет нужен был похитителям, почему они оставили булавку и часы, ведь за них можно выручить немалые деньги? Но не позарились, держали себя в руках. Получается, что им не нужны были деньги, а это уже интересно.

— Скажи, Василий, а не было ли чего-то ещё, что захоронили вместе с князем? Может, перстень или медаль, или что-то другое?

— Дак десять лет, почитай, прошло, барышня, разве

упомнить. Я тогда совсем молодым был, только в лакеи взяли, это потом меня Яков Данилыч до камердинера повысил. Хоть он тут почитай и не бывает вовсе, но жалование платит регулярно.

Настя вернулась на площадь перед храмами, остановилась в раздумье.

— Барышня, — зашептали сзади. Под деревом стояла монахиня, которая накормила её завтраком. — Барышня, это правда?

— Что правда?

Монахиня сглотнула, прошептала запинаясь:

— Говорят, старый князь восстал из могилы. Вернулся, чтобы нас всех убить.

— Нет. Покойный князь не восстал из мёртвых.

— Но ведь Демьян...

— Мертвецы не убивают ножами. И потом, за что вас убивать, сама подумай?

— Так за барыню...

— Какую барыню?

— Ты что тут праздно шатаешься? — раздался строгий окрик игуменьи. — Послушания у тебя нет? Так я ещё добавлю.

— Есть, матушка... — монахиня опустила голову и быстро засеменила прочь, оставив Настю в недоумении.

— Скажите, матушка, а супруга князя Черкесского, мать нынешнего князя, тоже в монастыре похоронена?

Игуменья удивлённо глянула, но ответила:

— Нет, Марфа Владимировна в Серафимовске упокоилась. Она много лет там жила, сюда и не приезжала.

— Матушка, а Демьян с кем-нибудь ссорился?

Та покачала головой.

— Он был сварливым, прости меня Господь за такие слова, но никто не хотел ему зла. Но почему вы спрашиваете, ваше сиятельство?

— Дошли разговоры, что убили сторожа, забеспокоилась. Пойду, помолюсь, — чтобы избежать дальнейших вопросов, Настя юркнула в храм.

Церковь была пуста, лишь у чудотворной иконы стоял Василий и истово крестился. Настя подождала, когда он отобьёт земные поклоны и направится к выходу.

— Скажи, Василий, а старый князь с кем-нибудь враждовал?

Тот задумался.

— Ну, святым он не был. Всякое говорили. Ему никто был не указ, и вся челядь от него плакала. Но никто не стал бы выкапывать кости спустя десять лет. Я б знал, такое не скроешь.

— А нынешний князь? Мог кто-то отомстить ему, выкопав кости его батюшки?

— Не могу знать, барышня. Князь тут и не бывает, так что некому в наших краях на него злиться. Отомстить, говорите... нет, так мстить никто бы не стал. Но вы тут спрашивали,

барышня, и я вдруг вспомнил, пока молился. Приезжал тут один барин. Месяца три... нет, почти четыре назад. Спрашивал, не захоронили ли со старым князем один предмет.

— Какой предмет? — Настя наострила уши, а внутри кольнуло тревогой.

— Подвеска с птицей. Но ничего такого никто не помнит.

— А как выглядел тот барин?

— Он очень волновался. Как будто это что-то очень важное. А так обычно выглядел. Не молодой уже. Одет дорого.

— Что ещё спрашивал?

— Ничего больше. Попросил разрешения посмотреть усадьбу, говорил, что бывал здесь раньше в гостях. Управляющий ему разрешил, видно, что не лихой человек, солидный, богатый. Он прошёл совсем немного, посмотрел портреты и в сад вышел. А потом сразу уехал.

— Подвеска значит... интересно, весьма интересно! — задумчиво произнёс Филарет, когда они с князем и Настей прогуливались по монастырскому двору.

— С птицей.

Филарет кивнул.

— Именно с птицей. Птицы имеют важное символическое значение в черкесской культуре. Они олицетворяют женственность, хрупкое существо, свободную волю, раскрепощённость и духовный мир. В коробочках верхней части подвесок прятали священные письма. Удивительно, что таин-

ственный дворянин интересовался, не похоронен ли князь с подвеской. Обычно их носили женщины с целью защитить себя от бед.

Филарет глянул на Гагарина и Настю, старательно отводящих взгляды друг от друга. Еле заметно ухмыльнулся.

— Пойду взгляну на колокольню. Ты, Павел Александрович, проводи Анастасию Васильевну до келейного корпуса. Встретимся у ворот.

Не дожидаясь ответа, иеромонах зашагал прочь.

Павел и Настя остались вдвоём. Тишина опустилась на них тяжёлым, почти осязаемым покрывалом. Где-то в ветвях щебетала птица, но Настя её не слышала, лишь стук собственного сердца, который, казалось, разносился по всему монастырскому двору.

— Вы хорошо устроились, Анастасия Васильевна? — спросил Гагарин. Голос его прозвучал глуше, чем обычно, и он тотчас откашлялся.

— Благодарю вас, князь, — ответила Настя и почувствовала, как щёки заливают жаром. Опустила глаза и тут же разозлилась на себя. Чего она смущается, словно девица на выданье?

— Я... — начал Гагарин и замолчал.

Настя подняла взгляд. Павел стоял в двух шагах, смотрел пристально. И вдруг ей показалось, что сейчас он шагнёт вперёд, возьмёт её за руку, скажет то, чего она боится и ждёт одновременно.

Но князь не шагнул.

— Мне пора, — выдохнула Настя. — А то останусь без ужина. В этом монастыре с голоду помереть можно.

— Конечно, — ответил он слишком быстро. — Я понимаю.

Она сделала шаг назад, потом другой. Гагарин не двинулся с места, но в его глазах мелькнуло что-то такое, от чего у Насти перехватило дыхание.

— До завтра, Павел Александрович, — тихо произнесла девушка.

— До завтра, Анастасия Васильевна, — ответил он, и в том, как он произнёс её имя, было больше того, что позволяли приличия.

Настя развернулась и почти вбежала в келейный корпус, всё ещё чувствуя спиной его взгляд. Сердце колотилось в горле, и она не понимала, плакать ей или смеяться от накрывшего ощущения счастья. Какая же глупость, но почему так хорошо?

Попадись ей сейчас призрак, она бы даже не заметила.

Глава 8.

— Я никогда не видел такой подвески у барина, — сказал Василий. — С птичкой... да и зачем ему? Правда, когда барин помер, я ещё совсем сопливым был, это потом новый барин взял меня в камердинеры. Мог тогда и не заметить.

— Или носил под одеждой, — Филарет задумчиво смотрел на остывающий в чашке чай, словно пытался найти в нём подсказку. — А камердинер старого князя?

— Так помер он, потому меня и взяли. Кого ж ещё? Вы не подумайте, я всему обучен. Если вдруг... — Василий с надеждой глянул на Гагарина, — если вам... в городе оно-то интереснее, что здесь в глуши.

Понял, что Гагарин его даже не слышит, и замолчал. Потом решил, что быть полезным господам из Серафимовска не помешает, и зачастил:

— А вы спросите у Матрёны. Она умерших обмывает, точно должна знать. Если не запомняла. Князя не часто помирают, может, и помнит.

— И где искать Матрёну?

— В селе спросите, любой её дом покажет. Мож и носил подвеску, старый барин был экс... эск... ксентричным.

— Эксцентричным?

— Да, так нынешний барин и говорил.

Похоже, Василий сочинял на ходу, лишь бы показать свою

осведомлённость. Но и управляющий ничего полезного не рассказал. Был господин, солидный, сразу видно, что дворянин. Он и подумал, что ж не уважить просьбу, показал усадьбу, но господин долго не задержался. Пока по коридору шли, побледнел весь, словно воздуха не хватало, в саду сразу пришёл в себя и удалился.

Матрёна, которую нашли и привели в усадьбу, простая, немолодая уже баба, то ли и вправду запомнила за десять лет, то ли испугалась важных господ, и ничего добиться от неё не удалось.

Осталось поинтересоваться на постоялом дворе, не останавливался ли там некий хорошо одетый господин месяц три назад, хотя надежды особой не было, вряд ли дворянин остановится у Семёновны. И тогда — полный тупик.

Но не успели.

Дверь отворилась без стука, и на пороге вырос лакей с вытянутым лицом.

— Барин, там мальчонка. Говорит, из монастыря. Бегом, мол, прибег. Что-то сказать хочет, да никак не скажет, запалился.

— Зови.

Мальчишка влетел в кабинет, будто за ним гнались. Лет десяти, не больше, босой, в рубаше, подпоясанной верёвкой, лицо чумазое, волосы слиплись от пота, грудь ходит ходунном. Он остановился у порога, вцепился в косяк, глотнул воздуха и выпалил:

— Барин! Беда! Велено бежать за вами!

— Кто велел? — Гагарин поднялся.

— Барышня! Что в монастыре живёт! — мальчишка закивал часто-часто, словно боялся, что ему не поверят. — Она и велела. «Беги, говорит, скорее, найди господ из города, что в усадьбе стоят. Скажи — срочно». Вот я и...

Он замолчал, потому что дыхание кончилось. Прислонился к косяку, вытер нос кулаком.

— Срочно — что? — Филарет поднялся. — Что случилось-то в монастыре?

— А я почём знаю, барин? — мальчишка посмотрел на него с искренним недоумением. — Мне что сказали, то я и... Она сказала: беги, мол, и всё. А я и побег.

— Ты откуда такой взялся? — спросил Гагарин.

— Я там при кухне, барин. Меня матушка Федосья кормит. А тут барышня эта, приезжая, заходит, меня и высмотрела. Говорит — ты, малой, быстрый? Я говорю — быстрый. Она и послала. Беги, говорит, без передышки. Дело, говорит, важное.

Он снова закивал, будто сам себе не верил.

— Важное? — переспросил Гагарин, и они с Филаретом переглянулись.

— Так и сказала, — мальчишка перекрестился. — Вот те крест, не вру, барин. Я, может, читать не умею, а соврать — не совру.

— Ладно, — Гагарин снял с гвоздя сюртук. — Идём.—

Он обернулся к лакею: — Покорми его и дай какую-нибудь старую одежду.

— Как звать-то тебя? — спросил Филарет.

— Прошкой, барин, — мальчишка заулыбался, поняв, что его не обижают. — Прошка я. Тётка Федосья так и зовёт. А барышня эта... — он снова посерьёзnel, — она добрая. Она мне хлеба дала. Говорит, беги, малой. Ну, я и побег.

Он посмотрел на свои босые ноги, словно только сейчас заметил, что они в грязи, и смутился.

— Я не виноват, что чумазый, барин. Я по дороге три раза упал. Торопился шибко.

* * *

Взволнованная Настя встретила их у ворот.

— Идёмте скорее, пока настоятельница в отлучке.

— А что с ней не так? — удивился Филарет.

— Боюсь, эта женщина пострашнее любого призрака.

Мужчины усмехнулись.

— Не простая тут настоятельница, с большими связями, — кивнул Филарет, — но нас это волновать не должно, справимся. Так что случилось?

— Сами сейчас увидите.

* * *

Настя рассказала, как из-за угла трапезного корпуса на неё вылетели двое мужиков. Оба с ломami в руках и оба с такими лицами, будто увидали самого чёрта.

Девушка отшатнулась:

— Что случилось?

Мужики остановились, но не ответили — только перекрестились мелко-мелко, оба разом, а тот, что постарше, ткнул пальцем куда-то за угол и снова перекрестился.

— Да говорите же вы толком! — Настя шагнула к ним. — Что там?

— Не пойдём мы туда, барышня, — выдохнул старший. — Нас нанимали стену ломать, чтоб трапезную расширить. Мы и ломали. А там...

Он не договорил, только махнул рукой в сторону трапезной и снова начал креститься. Младший, белобрысый парень с провалившимися щеками, стоял ни жив ни мёртв и часто-часто моргал.

— Что — там? — переспросила Настя.

— Не наше это дело, барышня, — забормотал старший, пятясь. — Нас нанимали стену, а не это. Мы люди подневольные, нам что сказали... Но на такое мы не соглашались. Вон, сами глядите, если охота.

Оба мужика попятились ещё на шаг, словно стена могла их укусить.

Настя поняла, что толку от них не добьётся. Она обогнула угол и остановилась в изумлении.

Трапезный корпус стоял с наполовину разобранный внутренней стеной. Кирпич был выломан, штукатурка осыпалась, и в образовавшемся проломе, в узкой пустоте между двумя кладками — там, где её и быть-то не должно, — было

устроено что-то вроде ниши. В нише, прижатый к стене, сидел скелет. Ноги вместе, руки вдоль тела, череп чуть набок. Кое-где на костях ещё держались остатки истлевшей ткани.

Настя услышала, как за её спиной мужики снова забормотали молитву.

Она стояла и смотрела. Простое, казалось бы, дело, стена как стена, кухня да трапезная. А тут человек замурованный.

— Так, — сказала Настя вслух, и голос её прозвучал куда твёрже, чем она сама ожидала. — Ломы положите. Сейчас же.

Мужики повиновались, будто обрадовавшись, что нашёл-ся человек, которого можно послушаться.

— Слушайте меня оба. Про то, что вы тут видели, — никому. Ни одной душе. Поняли? Сейчас у монахинь время молитвы, они по кельям сидят, и до поры до времени им знать не надо. Если разболтаете, кто прознает, будут у вас неприятности. Поняли?

Мужики закивали — истово, обрадованно, как кивают, когда наконец понимают, чего от них хотят. Старший даже перекрестился ещё раз, на сей раз с облегчением.

— Стойте здесь. Ни шагу. И никого не подпускайте. Если кто из монахинь сунется — скажете, что работаете, пусть не мешают.

Она оглянулась. У ворот, у самых лодок, крутился мальчишка лет десяти, босой, в рубаше с чужого плеча — тот самый, что недавно получил от неё кусок хлеба. Настя махнула

ему рукой:

— Поди сюда.

Тот подбежал, глядя с любопытством.

— Ты быстрый?

— Быстрый, барышня, — с готовностью отозвался тот.

— Тогда беги. Быстро. Найдёшь в усадьбе на берегу господ из города — князя, высокий такой, и с ним монаха, отца Филарета. Скажи — барышня велела в монастырь идти, срочно. Дело важное. И никому ни слова.

Мальчишка кивнул, развернулся и припустил так, что только пятки засверкали.

Настя проводила его взглядом, потом обернулась к мужикам:

— А вы стойте. И ломы пока не трогайте. Я скоро вернусь.

Она ещё раз глянула в пролом стены на скелет, на его слишком уж аккуратную позу и пошла к воротам, чтобы быть на виду и никого не подпустить к трапезной раньше времени.

* * *

— В общем, чудные дела творятся в этом монастыре. Тело здесь, сами смотрите.

— Настоятельницу надо уведомить, — сказал Гагарин, всматриваясь в пролом.

— Я об этом побеспокоюсь, — кивнул Филарет, тоже уставившийся в пролом. — Что там?

— Вроде кладовая, где хранится мука и прочие припасы, слева — кухня, а дальше — трапезная, — ответила Настя.

— Но я не уверена.

— Значит, рабочие нашли её?

— Её? — ахнула Настя, которая скелет, разумеется, не разглядывала: даже у её любопытства бывает предел.

— Судя по остаткам одежды. Похоже, это монахиня, — ответил Филарет. — Найдите мне свечу.

Непонятно, кому он дал команду, но мужики, испуганно выглядывающие из-за спин прибывших господ, тут же свечу передали. Они окончательно пришли в себя, теперь дело в надёжных руках.

При свете Гагарин с Филаретом разглядели скелет в нише. Он — она — был одет в длинное чёрное платье, сильно изорванное и потрёпанное. Волосы скелета были коротко подстрижены, цвет не разобрать. Головного убора не видно.

— Монахиня? — спросил князь. — Одежда истлела, наверняка не скажешь. Голова не покрыта.

— Она здесь давно, — сказал Филарет. — Явно не меньше десяти лет. Боюсь, точнее даже доктор не определит.

— Что это там блеснуло? — спросила Настя, которая тоже воодушевилась с приходом своих друзей и всматривалась в проём. Скелет — это не так страшно, как мертвец. Он кажется ненастоящим.

— Похоже на украшение, — Гагарин прищурился. — Но рукой не дотянуться, ломать проём мы пока не будем.

— Не, не будем, — согласно закивали мужики. — Барин, — они смотрели то на одного, то на другого, не понимая, кто

здесь главный. — Мы это... пойдём?

— Посидите у моста, никуда не уходите, — распорядился князь. А Настя протянула ему отломленную дубовую ветку.

— Попробуйте этим.

После нескольких бесплотных попыток поддеть блестящий предмет удалось подтянуть его поближе и достать рукой.

— Вроде, брошь... — сказал Гагарин.

— Я сразу её увидела! — гордо заявила Настя.

Держа украшение на ладони, Филарет внимательно его рассмотрел. Оно было металлическим и, казалось, сделано из чистого серебра. Полумесяц концами вверх, на нём лепестки и нечто, напоминающее скошенный цветок. По краям два ряда крупных и мелких бусинок. Но самое примечательное — сверху. Неожиданно изящная фигурка петушка с гребешком и задорно поднятым хвостом. Над петушком понималась дуга, за которую украшение, видимо, подвешивали.

Иеромонах протянул вперёд ладонь, Гагарин и Настя с интересом уставились на украшение.

— Так это же... это же подвеска с птицей! — ахнула Настя.

Филарет кивнул.

— Судя по всему, это действительно Кавказ, женское височное украшение, со временем превратившееся в подвеску. Наследие Великого шёлкового пути, византийские птички, ставшие своими и на Кавказе.

— Значит, есть прямая связь с князьями Черкесскими, — задумчиво протянул Гагарин.

— Не обязательно. Хотя странное совпадение.

— Что здесь происходит? — раздался гневный голос настоятельницы. Увидев иеромонаха Филарета, она ничуть не смутилась и не смягчилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.